

Сложность процессуального закрепления результатов ОРД нередко является причиной приостановления уголовных дел за не установлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, хотя фактически они бывают при этом установленными¹.

Острейшей остается проблема защиты штатных негласных сотрудников оперативных подразделений и лиц, оказывающих им конфиденциальную помощь. Закон об ОРД по существу лишь декларирует ее, так как всесторонний и разработанный механизм их защиты в российском законодательстве отсутствует.

Таким образом, реформирование оперативно-розыскного законодательства следует неразрывно связывать с реформированием уголовно-процессуального законодательства, что позволит сохранить неизменной сущность каждого из видов деятельности, разграничить их правовые поля и оптимизировать решение стоящих перед ними задач.

Дополнив перечень оперативно-розыскных мероприятий такими рискованными, как оперативное внедрение, оперативный эксперимент и контролируемая поставка, законодатель не обеспечил надежными правовыми гарантиями их участников, подлежащих государственной защите.

Железняк Николай Семенович,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Практика проведения обследования в отношении отдельных лиц, обладающих особым правовым статусом

Анализ правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью свидетельствует о периодически возникающих проблемах, связанных с определением условий проведения опе-

---

¹ Самоделкин А.С. Основные направления совершенствования правового регулирования координации оперативно-розыскной деятельности// Вестник Воронежского института МВД России. 2015. №4. С. 40-45.

ративно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом.

Правовой статус человека – система признанных и гарантированных государством в законодательном порядке прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов человека как субъекта права¹.

Проще говоря, правовой статус – установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей.

Согласно с ч. 1, 2 ст. 19 Конституции РФ «все равны перед законом и судом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств...».

Данное положение применительно к оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) уточнено в ч. 1 ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД), согласно которой «гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении их оперативно-розыскных мероприятий на территории Российской Федерации, если иное не предусмотрено федеральным законом».

В рамках нашего исследования представляет интерес должностное положение лиц, традиционно относимых к субъектам, обладающим особым правовым статусом, поскольку, как представляется, именно оно создает определенные предпосылки для возникновения этого статуса, а, значит, и особого отношения правоохранительной системы к вопросам привлечения субъектов к установленной законом ответственности за совершенные ими противоправные действия.

---

¹ Большой юридический словарь. 3-е изд. доп. и перераб. / Под. ред. проф. А.Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2006. – VI, 858 с. – (Б-ка словарей «ИНФРА-М»). С. 572-573.

К таким лицам, исходя из их должностного положения, относятся депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ, судьи, прокуроры и, наконец, адвокаты.

Максимальную защиту от оперативно-розыскного процесса в соответствии с Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» (далее – закон об адвокатуре) получили представители адвокатского корпуса, которые, видимо, сумели как-то убедить законодателя изложить одно из предписаний ч. 3 ст. 8 «Адвокатская тайна» в следующей редакции: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения».

Конечно, можно было бы спорить (чем и занимаются многие теоретики) о том, что эта норма не имеет никакого отношения к адвокатской тайне. Но если даже законодатель, следуя справедливой критике, перенесет это положение в другую статью закона, суть ее от этого не изменится. Поэтому периодически возникают ситуации¹, когда органы, осуществляющие ОРД, обращаются в суды с ходатайствами разрешить проведение не санкционируемых в обычном порядке ОРМ. Представители же судебной системы отказывают им в этом, ссылаясь на положение ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД, согласно которому судебное разрешение выдается при проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища. Существующая проблема, с одной стороны, негативно влияет на решение задач ОРД, с другой – подтверждает, что в оперативно-розыскном смысле принцип обеспечения равенства всех перед законом зачастую действует избирательно.

---

¹ В случае неисполнения данного предписания органами, осуществляющими ОРД, суды признают собранные при проведении ОРМ фактические данные добытыми с нарушениями закона.

Против такого расширительного толкования неприкосновенности адвокатов выступил Конституционный Суд РФ в определениях от 22.03.2012 № 629-О-О¹ и от 17.07.2012 № 1472-О² по жалобам адвокатов, привлеченных к уголовной ответственности за дачу взятки следователям за прекращение уголовного преследования их доверителей. В обоих случаях оперативный эксперимент и следующий за ним осмотр места происшествия проводились без предварительного получения судебного решения, что послужило поводом к оспариванию законности этих действий со ссылкой на ч. 3 ст. 8 закона об адвокатуре. Небезынтересно, что в одном случае суд первой инстанции согласился с аргументами подсудимого о незаконности его задержания с поличным без предварительного получения судебного решения и вынес оправдательный приговор, впоследствии отмененный вышестоящей инстанцией.

Обоими заявителями были оспорены положения ФЗ об ОРД, которые не предусматривают обязательного получения судебного разрешения на проведение ОРМ в отношении адвокатов, как это предусмотрено упомянутым выше законом. Однако Конституционный Суд РФ не усмотрел нарушений прав заявителей в их делах и отказал в принятии их жалоб к рассмотрению, сформулировав правовые позиции, толкующие упомянутую норму закона об адвокатуре в более узком смысле.

В решениях высшего суда указывалось на то, что Конституция РФ, гарантируя равенство всех перед законом и судом, не предусматривает каких-либо исключений из этого принципа для лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, и не определяет особого статуса адвокатов, обуславливающего обязательность законодательного закрепления дополнительных гарантий их

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулхамидова Ахмедшапи Гамзатовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также статей 7, 29 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукаша Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 86, 166, частью второй статьи 176, статьями 180 и 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

неприкосновенности. Требование же рассматриваемого закона о проведении ОРМ в отношении адвоката на основании судебного решения направлено на обеспечение реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи и на обеспечение института адвокатской тайны, который призван защищать информацию, полученную адвокатом относительно клиента в связи с предоставлением юридических услуг. Отсюда был сделан вывод, что положения п. 3 ст. 8 указанного закона предполагают получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех ОРМ, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности и могут затрагивать адвокатскую тайну.

Приведенные правовые позиции вносят определенную ясность в порядок проведения оперативного эксперимента в отношении адвокатов в ситуациях, схожих с делами заявителей, и в силу своей общеобязательности подлежат исполнению всеми правоприменителями¹. Однако они не снимают более общей проблемы недостаточной законодательной регламентации условий проведения ОРМ в отношении должностных лиц, обладающих особым правовым статусом.

А.Е. Чечетин в одной из своих работ очень точно обрисовал пределы действия правового статуса указанных лиц применительно к проведению в отношении них ОРМ как до возбуждения уголовного дела, так и в рамках проведения расследования².

Он подчеркнул, что правовой статус отмеченных лиц явился предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, в решениях которого независимо от должностного положения заявителей указывалось на отсутствие особых условий для проведения в от-

---

1 В соответствии со ст. 6 «Обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации» ФКЗ-1 от 21.07.1994 «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

² См. Чечетин А.Е. О совершенствовании правового регулирования условий проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности : материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская юридическая академия, 2012. С. 63-71.

ношении них тех или иных мероприятий, в том числе требующих санкционирования судом¹.

Таким образом, в настоящий момент сотрудники оперативных подразделений обладают полноценным инструментарием для оперативно-розыскной проверки и разработки любых лиц (в том числе обладающих особым правовым статусом), заподозренных в подготовке или совершении преступления.

Вместе с тем правоприменительная практика осуществления ОРД в отношении адвокатов, как только вместо оперативного эксперимента было проведено другое мероприятие, похоже опять попыталась стать проблемной, в частности в Красноярском крае. Проведение обследования в помещении, используемом адвокатом для реализации своих профессиональных функций, было связано с документированием ФСБ России фиктивной финансово-хозяйственной деятельности одного из участников юридического лица, которого представлял красноярский адвокат М.М. Пугачев.

В жалобе в Конституционный Суд РФ он указал, что п. 8 ч. 1 ст. 6, ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД во взаимосвязи с ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре нарушают Конституцию в той мере, в какой они позволяют суду удовлетворять ходатайства о проведении в помещении, используемом адвокатом для осуществления своей профессиональной деятельности, ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» с разрешением поиска тех или иных предметов и документов в помещении адвокатского образования без наличия веских оснований считать поведение самого адвоката противоправным, а также в дальнейшем проводить указанное мероприятие с доступом к составляющим адвокатскую тайну материалам адвокатских производств в отношении доверителей, с возможностью поиска и изъятия предметов и документов, без гарантий, предусмотренных для обыска в адвокатском помещении, которые нивелируются возможностью осуществлять в нем поиск в рамках другой процедуры – не обыска и осмотра, проводимых после возбуждения уголовного дела, а ОРМ, для проведения которого не требуется возбуждение уголовного дела и отсутствует его детальная регламентация.

---

¹ См. Определения Конституционного Суда РФ от 08.02.07 № 1-О, от 07.02.08 № 224-О-О, от 27.05.10 № 752-О-О, от 22.03.12 № 629-О-О.

Федеральная палата адвокатов поддержала М.М. Пугачёва, отметив, что гарантии, распространённые Конституционным Судом на обыск служебного помещения адвоката, должны симметрично распространяться на любые (в том числе непроцессуальные) действия, тождественные по характеру и степени ограничения конфиденциальности общения адвоката и доверителя, т. е. и на такое ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в своем Определении от 28.06.2017 № 1468-О¹ отметил следующее: «Норма пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не устанавливает неприкосновенность адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом, постольку она предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности ... и (или) могут затрагивать адвокатскую тайну.

При этом проведение обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, включая обследование жилых и служебных помещений, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, закон увязывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного судопроизводства, когда уголовное дело еще не возбуждено либо когда лицо еще не привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу, но уже имеется определенная информация, которая должна быть проверена (подтверждена или отвергнута) в ходе оперативно-розыскных мероприятий, по результатам которых и будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела...».

Данным решением высшего суда вроде бы все расставлено на свои места, но неудовлетворенные представители адвокатско-

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пугачева Максима Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 и частью первой статьи 15 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 3 статьи 8 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

го корпуса собираются обращаться за защитой в международные судебные органы.

На наш взгляд, минимизировать возникновение подобных проблем можно было бы, использовав принцип аналогии закона¹. В частности, предписание ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД запрещает органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД... разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения ОРМ, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами.

Это положение профильного закона можно было бы успешно использовать для проведения ОРМ в том числе и в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом.

Журавленко Николай Иванович,
начальник кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
Тугова Ольга Васильевна,
старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

Причины возникновения кибертерроризма и основные направления борьбы с ним

Широкое использование информационных технологий и глобальной сети Интернет привело к возникновению одной из наиболее опасных разновидностей компьютерной преступности – кибертерроризма. Понятие «кибертерроризм» было введено в 1997 г. Марком Поллитом и включает в себя любую «умышленную, политически мотивированную атаку на информацию, ком-

---

¹ Аналогия закона - применение к общественным отношениям закона, регулирующего сходные отношения.